

## Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

*Тихон Шейнов* (Образовательная программа «Философская антропология»)

### Аннотация

В статье осуществляется анализ взглядов Ханны Арендт на аполитичность христианского мировоззрения, а также их использование в качестве концептуальной рамки для интерпретации романа «Идиот» Ф.М. Достоевского. В первой части работы автор раскрывает основные положения, касающиеся оппозиции частного и публичного в теории Арендт, и указывает на противоречивый статус христианства в его отношении к области политического. С одной стороны, философ использует указание на книгу Бытия как аргумент в пользу обусловленности действия изначальным пребыванием человека во множестве и рассматривает учение Иисуса как особую интерпретацию веры, выступающей началом поступка, и чуда, которое составляет его принцип. С другой стороны, Арендт обращает внимание на безмирность (аполитичность) христианства, обусловленную эсхатологическим ожиданием конца мира, а также акцентом отдельных личностей (апостол Павел, Аврелий Августин) на одиночестве сотворенного человека. В наиболее явной форме эта амбивалентность выражена в понятии деятельного добра – поступка, чья необходимая включенность в мир сопровождается требованием радикального утаивания. Во второй части работы автор демонстрирует указанное противоречие на примере князя Мышкина – героя, ориентация которого сочетает в себе ключевые черты христианского миропонимания: негативность автора действия в отношении к миру, а также прерывание последствий действия, достигаемое его отменой в акте прощения.

**Ключевые слова:** Арендт, действие, Христианство, мир, безмирность, Достоевский, князь Мышкин, аполитичность

Сквозной сюжет философии Ханны Арендт – безмирность, сознательное или лишенное альтернатив бегство человека из явленности публичного пространства в сферу частного существования, сокрытого от посторонних глаз. Его артикуляция не только оттеняет историко – философский пафос исследований Арендт, выраженный в констатации забвения греческого опыта политического, но и задает рамку для понимания кризиса позднего модерна. Представляется, что прояснение смысла и важности идеи Арендт может быть осуществлено путем ее демонстрации на примере князя Мышкина – главного героя романа «Идиот» Ф.М. Достоевского. В подтверждение релевантности данного шага мной будет проведен краткий

Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

анализ взглядов Арендт на феномен аполитичности, а также выявлены философские идеи Достоевского, отраженные в романе и пересекающиеся с контекстом проблемы.

## 1

Тема аполитичности раскрывается Арендт в контексте выстраивания четких границ между основными видами человеческой деятельности: трудом, изготовлением и действием. Подобный состав структуры деятельной жизни не случаен; каждое ее проявление представляет собой ответ на обусловленность человеческого существования на Земле. Способность к труду отвечает биологической обусловленности человеческого организма, необходимостью в поддержании голой, не опосредованной мышлением или социальностью жизни. Условием изготовления является неустроенность человека в природе, побуждающая его к выходу за пределы родового существования и созданию искусственных вещей. Способность к действию – в большей степени, чем прочие – отвечает изначальной множественности (plurality) человечества, в условия которой поставлен каждый из нас.

Арендт предпринимает попытку реконструкции античного взгляда на соотношение публичного и частного, которое уже со времен Платона было подвергнуто необратимым искажениям. Утрата греческого понимания политического, выраженного в Аристотелевской оценке человека как ζῷον πολιτικόν<sup>1</sup>, связана с неверным перенесением данного понятия в латиноязычную традицию в форме animal socialis, что привело к наложению принципиально не сводимых друг к другу смыслов. «Общественность» человека, то есть его склонность к организации совместной жизни и ведению совместного хозяйства в античной традиции, очевидно, признавалась; ошибкой здесь является наделение этой склонности статусом врожденной характеристики человека и ее смешение со способностью к организации политического пространства. Полис выступает для античного человека единственной областью, в которой его свобода может впервые дать о себе знать в слове и деле – «величайших из вещей, на какие способен человек»<sup>2</sup>. Сама потребность в его основании, по мнению Арендт, вызвана желанием создать условия, необходимые для относительно стабильного предоставления ситуаций для совершения действий и достижения земного бессмертия, а также преодолеть мимолетность действия, не подкрепленного материальным «подлежащим» и нуждающегося в запечатлении в человеческих историях.

---

<sup>1</sup> См.: *Аристотель*. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4. М.: Мысль, 1983.

<sup>2</sup> См.: *Арендт Х. Vita activa, или о деятельной жизни* / М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 273.

Подход к совместности как условию человеческого бытия может вызвать сомнения в основательности взгляда Арендт. В отличие от биологической конституции и особого положения в природе, жизнь в сообществе кажется значимым, но не сущностным свойством человека. Но Арендт вовсе не интересуется человеческая сущность; ее исходная ориентация направлена на мир – понятие, которое обладает у нее особым философским смыслом. Опыт мира вовлекает человека в совместность особого плана, в ней он впервые получает возможность нового рождения, утверждения себя в качестве собственного начала. Мир – это пространство зримости и гласности. Его действительность поддерживается самыми хрупкими проявлениями человеческой активности: речами и поступками, чья спонтанная неопределенность образует неуловимую «ткань общечеловеческих связей». В известном смысле существование в мире является единственным способом не только обнаружить другого как индивидуальность, но и проявить в данном качестве самих себя, поскольку обращение к себе возможно лишь как опосредованный опыт «кто», заимствованный из совместного бытия. Примером такого опыта для Арендт является мышление. Вопреки представлению об одиночестве философствующего, его отрешенности от мира, метафизические вопросы требуют не одиночества, но уединения – сознательного уклонения от сферы человеческих дел и пребывания в компании с самим собой. В уединении связь с другими не прерывается, но особым образом утверждается.

Приватное существование в укрытии от простора публичности Арендт называет безмирностью. Безмирным может оказаться даже самый очевидный, сознательный коллективизм; сплочение людей на основании многочисленности и сопричастности к роду в противовес множественности и способности к новому началу оставляет человека в одиночестве на виду. Это отчетливо видно на примере тоталитарных режимов XX века, однако Арендт усматривает начало забвения мира в более давних событиях Западной мысли, а его последствия – во всеобщем разрастании «социума», бюрократизации государства и становлении массового общества. В приватной жизни человек лишен возможности соотнесения своих поступков с оценкой других, а поскольку слово и действие нуждаются в удержании посредством запечатления в историях и свидетельстве зрителя или рассказчика, частному человеку остается призрачное существование, схожее с участием тени гомеровского Ахилла.

Однако не следует считать негативность приватизации признаком порочной природы частной жизни. В первом приближении наличие публичной и приватной сфер не

Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

подразумевает под собой их антагонизма и говорит лишь о том, что «всякой человеческой деятельности по-видимому присуще нечто указывающее на то, что она не парит как бы в воздухе, а имеет принадлежащее ей место в мире»<sup>3</sup>. Явления внутреннего мира, близость которых уверяет нас в подлинности потаенного существования, не выносят света публичности, теряют в нем свою сокровенную тайну. По мнению Арендт, брешь между общим миром и «непостижимым “лишь – здесь” откровения»<sup>4</sup> непреодолима. Проговаривая сокровенное, мы можем лишь обмануть себя надеждой на удержание его изначальной понятности под взором посторонних глаз. Неясность высказанного оставляет нас в состоянии беспомощного отчаяния, обманчивой досады на недостаток навыка. Ясным образом слепоту частного демонстрирует любовь – самое непубличное из возможных чувств. Способ общения любящих – птичий язык, а их речь, если она вообще имеет место, – не более, чем невнятный лепет, отгораживающий их близость от незваного свидетеля.

Притязания Арендт следует расценивать не как апологию политики в ее расхожем понимании или реставрацию греческого опыта в его самоценности, но как онтологизацию политического, присвоение ему статуса исходной экзистентной возможности человека. По словам А. А. Глухова, для Арендт, как и для других представителей ее эпохи, характерно «экстраординарное понимание политического бытия»<sup>5</sup>, требующее от читателя усилия отказа от устроенности в схемах обыденного сознания. На особое место политики в человеческом бытии указывает и сама Арендт: «обусловленность множественностью стоит к тому факту, что среди людей существует такая вещь как политика <...> в каком – то исключительном отношении; она не только *conditio sine qua non*, но и *conditio per quam*»<sup>6</sup>.

Важнейшим примером того, как (а)политичность определяет человеческое существование в его основе, конституируя способ его соотнесения с миром, для Арендт является христианское мировоззрение. При первом же упоминании множественности и отвечающей ей способности к действию философ указывает на то, что такой взгляд согласуется с одной из версий истории Божественного творения, согласно которой человек изначально был создан во множественном числе. Ее источником является книга Бытия: «И сотворил Бог человека по

---

<sup>3</sup> См.: Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 93.

<sup>4</sup> Из письма Мартина Хайдеггера Ханне Арендт: «Близость есть бытие в величайшем отдалении от другого – отдалении, которое ничему не дает исчезнуть, но помещает «ты» в прозрачное, но непостижимое «лишь-здесь» (Nur-Da) откровения». См.: Ханна Арендт, Мартин Хайдеггер. Письма 1925-1975 и другие свидетельства. М.: Изд-во института Гайдара, 2016. С. 11.

<sup>5</sup> См.: Глухов А.А. Философская ясность: Хайдеггер равно Гитлер // Логос. 2018. Т. 28. № 3. С. 98.

<sup>6</sup> См.: Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 17.

Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27), а обращавшимся к ней проповедником – никто иной, как сам Иисус из Назарета: «Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их?» (Мф. 19:4).

С точки зрения Арндт обращение Христа к данному фрагменту заслуживает пристального внимания и определяет особый характер его отношения к вере как непосредственному началу поступка. Внимание Арндт к версии Иисуса оправдано и тем, что она контрастирует с другой трактовкой творения, имеющей прямо противоположные следствия. Ее апологетом является Павел: «Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа» (1 Кор, 11:4 – 5).

Как и в случае с Иисусом, Арндт полагает, что импликации этого фрагмента выходят за рамки выяснения роли женщины в христианском семействе. Акцент на первичности творения мужчины подразумевает признание единичности сотворенного человека, вследствие чего множественность «не исходно присуща человеку, но объяснена через умножение»<sup>7</sup>. Как следствие, роль веры для христианина ограничивается условием спасения, которое изначально носит индивидуальный характер.

Примечательное, пограничное положение в вопросе христианского понимания множественности играет Аврелий Августин. С одной стороны, замечает Арндт, он обходит вниманием книгу Бытия и укореняет различие между человеком и животным в количественной характеристике их сотворенности: в отличие от животных, созданных во множественном числе (*plura simul iussit existere*), человек сотворен в одиночестве (*unum ac singulum*). Это обстоятельство исключает человека из области родового существования и подчеркивает его изоляцию как субъекта спасения. С другой стороны, в работе «Что такое свобода?»<sup>8</sup> Арндт говорит об Августине как о неповторимом примере совмещения христианской аполитичности и политического понимания свободы, источником которой является не внутренняя индивидуальная воля, но соотнесенность с внешним, универсальным миром. В акте рождения мы неизбежно «запаздываем» к сотворенному до и пребывающему после человеческой жизни миру, что делает наше пришествие не только манифестацией нового начала, но и его гарантией: «чтобы было начало, был создан человек, до коего никого

---

<sup>7</sup> См.: *Арндт Х. Vita activa, или о деятельной жизни* / М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 15.

<sup>8</sup> См.: *Арндт Х. Что такое свобода? / Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли.* М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

не было». Арендт утверждает, что амбивалентность позиции Августина не исчерпывается обладанием римским политическим опытом, и предлагает искать ее корни в философской интерпретации учения Иисуса. Как и в случае с исходной множественностью человека, эта трактовка сводится к особому пониманию политического значения веры, однако в отличие от игнорируемого философом указания на книгу Бытия, ее ключевым понятием становится явление чуда, понимаемое в отрыве от сверхъестественного контекста как «нарушение некоей естественной серии событий, некоего автоматического процесса, в контексте которого оно предстает как полностью неожиданное». Положение о том, что вера как способность осуществления свободы имеет своим следствием свершение чуда, таким образом, можно понимать двояким образом: с религиозной точки зрения, где чудо выступает в качестве непосредственного вторжения божественной воли в мировой порядок, а также в контексте, в котором исполнителем этого вторжения становится сам человек. Здесь у Арендт явление натальности (рожденности), найденное у Августина и укорененное в проповедях Христа, смыкается с теорией действия – с точки зрения законосообразности внешнего мира чудом оказывается поступок как таковой. В его свершении мы обнаруживаем новое начало в двояком смысле, поскольку вхождение в мир является не только привнесением нового в автоматизированный порядок сущего, но и манифестацией действующего, его вторым рождением.

Несмотря на то, что перед нами вырисовываются две линии интерпретации христианского опыта мира, в сочинениях Арендт, на мой взгляд, мы наблюдаем перекося в сторону отрицания его наличия. Столкнувшись с вызовами публичного пространства, первые христиане создали особую, в сущности парадоксальную форму общности – братство, внутренние связи которого конституируются принципом любви к ближнему. Характерное для раннего христианства эсхатологическое ожидание конца мира послужило вполне очевидным истоком для резкого пренебрежения публичностью, сформулированного Тертуллианом: «Мы холодны ко всякой славе и почету, нам не нужны собрания; ничто нам так не чуждо как политика<sup>9</sup>. Мы знаем всеобщее государство – мир»<sup>10</sup>. Аполитичность христианства – и это необходимо подчеркнуть особым образом – не тождественна его безразличию к публичной сфере в конкретно-исторической перспективе Западной цивилизации. Нахождение христианами политических

---

<sup>9</sup> В оригинале: «*nes ulla magis res aliena quam publica*» – «никакое дело нам так не чуждо как публичное».

<sup>10</sup> См.: *Тертуллиан. Апология* // Богословские труды. Сб. 25. М.: Издательство Московской Патриархии, 1984. С. 195.

Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

импликаций в содержании собственной догматики и взятие Христианством ответственности за мирские дела – свершившееся событие; в эссе «Что такое авторитет?»<sup>11</sup> Арендт находит его корни в освоении чуждых раннехристианскому мировоззрению принципов: римского представления об авторитете как «приращении» (лат. *augere*) события основания, а также платоновского мифа о загробной жизни и посмертном воздаянии из финальной книги «Государства». Выражаясь на языке Хайдеггера, историческая судьба Христианства составляет его онтический облик, в то время как его онтологический смысл открывается в «фактичном жизненном опыте»<sup>12</sup> (*Faktische Lebenserfahrung*), выступающим для христианской мысли скрытым за теоретическими нагромождениями истоком. Для Арендт, как видим, существенная черта этого опыта является противоречивой, включая в себя невозможность ответить на условие множественности человечества, на простой факт, что «политику невозможно было бы даже помыслить, если бы люди не существовали во множестве»<sup>13</sup>, а также подкрепленное догматикой утверждение этой множественности в акте веры.

Арендт не оставляет сложившееся противоречие неявным. Ключом к его пониманию для философа становится понятие деятельного добра – единственного проявления *vita activa*, проповедь которого можно обнаружить в учении Иисуса. Вопреки тому, что всякий поступок человека отвечает его пребыванию в мире и самоутверждается в условиях множественности людей, сущностным качеством деятельного добра является потаенность, доведенная до столь выраженного предела, что к числу «других», от которых оно должно быть скрыто, относится и сам действующий: «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф, 6: 4). Как и любая деятельность, которая разворачивается в границах приватного, добрые поступки не выносят открытого взора и теряют под ним свое изначальное качество. Этот радикализм отличает добро в его христианской интерпретации даже от мышления, которое, как сказано ранее, всегда осуществляется в компании внутреннего собеседника. Положение совершающего деятельное добро оказывается расколотым: в то время как в качестве автора поступка он необходимым образом приобщен к публичному пространству, требование

---

<sup>11</sup> См.: *Арендт Х.* Что такое авторитет? // Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

<sup>12</sup> Термин из лекций М. Хайдеггера «Феноменология религиозной жизни», прочитанных в зимнем семестре 1920/1921 гг. См.: *Heidegger M.* Phänomenologie des religiösen Lebens (Wintersemester 1920/21)//Gesamtausgabe, Frankfurt am Main, Klostermann, 1995, Bd. 60.

<sup>13</sup> См.: *Арендт Х.* Интерес к политике / Опыты понимания, 1930-1954. Становление, изгнание, тоталитаризм. М.: Изд-во института Гайдара, 2018.

Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

утаивания делает эти поступки мимолетными и не оставляющими какого – либо следа в мире. В отличие от образа действия, взятого в его непротиворечивой форме, где слово и поступок, по мнению Арендт, носят неконтролируемый и инертный характер, образ действия христианина в определенном смысле замыкается на самом себе, сопровождаясь осознанными мерами по пресечению самой возможности его пребывания в мире. Помимо сохранения поступка в тайне способом отмены действия является механизм прощения. Наряду с обещанием Арендт относит его к действиям, способным скорее поддерживать существование мира, нежели разрушать его, и рассматривает как «спасительное средство против неотменимости и необозримости начатых им [действием] процессов»<sup>14</sup>. Прощая поступок, мы отменяем его необратимые последствия и оставляем простор для совершения новых действий, что с принципиальной точки зрения означает своеобразную самовоспроизводимость мира в силу того, что прощение – ни что иное как модус действия. По этой же причине Арендт сближает прощение с чудом: «что в этом мире существует совершенно посясторонняя способность совершать “чудеса” и что эта чудодейственная способность есть не что иное как поступок, Иисус из Назарета <...> не только понимал, но и высказал, когда сравнил силу прощать с властными полномочиями чудотворца...»<sup>15</sup>. Необходимо добавить, что в случае с совершением деятельного добра ситуация становится менее однозначной. Вкупе с априорным самоупраждением доброго дела прощение служит не только тому, чтобы дать начало новым поступкам, но и тому, чтобы способствовать исчезновению действия из мира для его дальнейшего возобновления. Из сказанного вытекают две ключевые черты христианского миропонимания – негативность автора действия в отношении к миру, а также непрерывное исчезновение самого действия, достигаемое как радикальным утаиванием, так и его отменой в акте прощения. Для более ясного понимания сформулированных особенностей рассмотрим их на конкретном примере.

## 2

Сделаем шаг назад. Подобие концептуального оформления приватного существования отличает столь важную для Арендт греческую античность от прочих периодов развития политической мысли. Человека, не принимающего участия в делах полиса и по тем или иным причинам замыкающего круг собственного существования на ведении домашнего хозяйства, греки называли *ιδιώτης* – именем, которое знакомо каждому современному человеку в

---

<sup>14</sup> См.: Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 297.

<sup>15</sup> См.: Там же. С. 327.

Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

совершенно негреческом смысле. Идиотизм в его исконном употреблении есть аполитичность, обособленность человека от публичного пространства; такое понимание противно обыденному взгляду на идиота как на умалишенного, блаженного «дурачка», как, впрочем, и строго медицинской категории идиотизма – крайней степени слабоумия. Наглядный пример такого исходного понимания можно встретить в романе Ф. М. Достоевского с характерным для нашего анализа названием. Взгляд на князя Мышкина как выражение экзистенциальной аполитичности уместен здесь и постольку, поскольку ее причиной выступает вполне очевидное наделение героя христианскими добродетелями в целом<sup>16</sup> и эксплицированная самим автором аналогия между Мышкиным и самим Христом, в частности<sup>17</sup>. Акцентируя внимание на последнем обстоятельстве, можно сказать, что перед нами – возможность увидеть описанный ранее опыт христианского отношения к миру в его конкретных жизненных проявлениях. Попробуем оценить правомерность сопоставления Мышкина и Христа в сформированной оптике и прояснить возникшие сложности.

Применяя к Мышкину категорию негативности, мы рискуем столкнуться с определенными затруднениями. Главным образом они связаны с тем, что одной из важнейших контекстуальных составляющих романа является осмысление и критическая оценка Достоевским темы нигилизма. Образ Мышкина, в речь которого, как предполагается, автор вкладывает собственную философскую и социокультурную позицию, выражает противостояние западническим идеям, «которыми будто была “заражена” интеллигенция в современной Достоевскому России»<sup>18</sup>. Проще всего формализовать этот конфликт возможно при сопоставлении героев, чьи позиции оттеняют друг друга наиболее явственно. В отношении к Мышкину антиподом и носителем полярных (а значит – нигилистических и в высшей степени негативных) взглядов исследователи зачастую считают Ипполита Терентьева. В. Г. Мехтиев отмечает, что свойственное ранним оценкам романа присваивание Ипполиту маргинального статуса практичного, деловитого прогрессиста пусть и не противоречит содержанию его характера, но приводит к «структурной деформации» в

---

<sup>16</sup> Л. Мюллер относит к их числу воплощение в Мышкине «черт блаженства» из Нагорной проповеди, а также свойств любви из первого послания Павла коринфянам. См.: *Мюллер Л.* Образ Христа в романе Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 1998. №5.

<sup>17</sup> Речь идет о применении Достоевским выражения «Князь-Христос» в отношении Мышкина в черновой версии романа «Идиот». Упоминания заслуживает и то, что знаменитая характеристика Мышкина как положительного прекрасного человека подкреплена указанием на то, что «На свете есть только одно положительно прекрасное лицо – Христос...» См.: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 28. Кн. 2. Л., 1973. С. 251.

<sup>18</sup> См.: *Мехтиев В. Г.* «Два конца незримой цепи...» Ипполит и князь Мышкин // Международный научно-исследовательский журнал. Т. 106. № 4. 2021. С. 36.

Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

осмыслении его ценностной позиции<sup>19</sup>. В нашем анализе, однако, эта деформация будет представлена с несколько иного ракурса, нежели скрытая зеркальность взглядов. Несмотря на коренное различие в мировоззренческих установках, в образах Мышкина и Ипполита угадывается сходство, дающее нам основание для их представления в качестве разных выражений общей экзистенциальной настроенности. Это сходство заключается в том, что Достоевский наделяет обоих героев отсутствием ясного говорения и поступка, которые, как выяснено, выступают гарантией нашего вхождения в мир. На фоне общей для героев «выключенности» из нормированного порядка светского общества их идиотизм маркируется автором разными средствами. В случае с Ипполитом бросается в глаза непосредственный, даже вульгарный по форме выражения дефект: неприглядный внешний вид («он был худ как скелет, бледно – желт, глаза его сверкали и два красные пятна горели на щеках»<sup>20</sup>) венчается вызванной чахоткой, едва ли членораздельной речью, перебиваемой кашлем и выражаемой – эту деталь Достоевский подчеркивает неоднократно и настойчиво – визгливым голосом. Более того, экзальтированное пренебрежение окружающих людей в отношении «Моего необходимого объяснения» – идейного манифеста героя – придает речи Ипполита исчезающий характер, лишая ее, как и ее носителя, малейшего шанса на устойчивое существование в мире. Наконец, сцена несостоявшегося самоубийства Ипполита является бесплодной попыткой претворить слово в поступок и демонстрирует безмирность героя в самой острой и однозначной форме. В свою очередь ведущей чертой Мышкина является децентрализованный и принципиально незавершенный характер выстраивания межчеловеческих связей. Михаил Бахтин описывает это состояние как отсутствие «жизненной плоти», не позволяющее Мышкину определить для себя какое – либо положение в мире: «у Мышкина <...> изъятость из обычных жизненных отношений, эта постоянная неуместность его личности и его поведения носят целостный, почти наивный характер, он именно “идиот”»<sup>21</sup>. Эти черты у князя идут рука об руку со способностью пронизательного видения и разоблачения глубинных интенций других людей; цена ухода от усредненного со – бытия окупается отсутствием преград для свободной речи, в которой и посредством которой

---

<sup>19</sup> См.: *Мехтиев В. Г.* «Два конца незримой цепи...» Ипполит и князь Мышкин // *Международный научно-исследовательский журнал*. Т. 106. № 4. 2021. С. 36.

<sup>20</sup> См.: *Достоевский Ф. М.* Идиот. М.: Издательство АСТ, 2021. С. 267.

<sup>21</sup> См.: *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / *Собрание сочинений в семи томах*. Т. 6. М.: Рус. словари: Языки славян. культуры, 2002. С. 196.

Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

разворачивается изнаночная, а значит – подлинная сторона душевной жизни каждого собеседника князя.

Важно отметить, что свобода речи не тождественна ее ясности, отсутствие которой было отмечено выше. Если последняя создает и сохраняет необходимое для публичного пространства общее основание, свобода Мышкина – это прежде всего свобода безусловного «нет». Его поведение, как христианина в собственном смысле можно назвать радикальным освоением; встречая на своем пути человека – от доброжелательного и благородного до порочной и дьявольской природы – сострадательность Мышкина «нейтрализует» его отчуждение и делает его по – настоящему ближним и исключенным из области совместного бытия. На парадоксальный активизм героя намекает и сам Бахтин; слова о том, что «дом Епанчиных вовлекается в карнавальную атмосферу Мышкина»<sup>22</sup>, так или иначе демонстрируют, что безволие героя в отношении к миру проявляется как центростремительная сила, заключающая Другого в непроницаемые границы Своего. Христианство Мышкина сказывается на его отличии от Ипполита не только и даже не столько в качестве возражения нигилизму, но как парадоксальная альтернатива его негативной позиции к миру. Негативность Ипполита непосредственна и направлена вовне; негативность Мышкина опосредована нравственной и идейной позицией и представляет собой неявную интериоризацию.

Наконец, особую роль в динамике характера Мышкина играет акт прощения. Наиболее важными, с моей точки зрения, являются три эпизода, где способность прощать выдавала в герое его парадоксальную и решительно христианскую натуру. Магистральная линия сюжета – взаимоотношения Мышкина и Настасьи Филипповны – открывается снятием князем порочности героини, что стало отправной точкой для разворачивания ее основного внутреннего конфликта и косвенным образом привело к ее гибели. Вторым случаем отмены является прощение Мышкиным покушения Рогожина. Замыкает сюжетную линию третье и главное событие отрицания: простив Рогожину убийство Настасьи Филипповны, Мышкин в сущности совершает свой последний поступок, достигнув тотального и бесповоротного исчезновения из пространства явленности. В первых двух примерах прощение не воплощает в себе принцип чуда, а именно – внесения нового начала в обустроенный порядок дел, а негативная функция отмены дает противоположный результат. Мышкину не удается

---

<sup>22</sup> См.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. М.: Рус. словари: Языки славян. культуры, 2002. С. 198.

Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

освободить героев от прошлого; своим прощением он, напротив, укрепляет их связь с некогда совершенным каждым из них поступком: в случае с Настасьей Филипповной – условным грехопадением, в случае с Рогожиным – покушением на убийство.

Подведем итог. В нашей интерпретации Мышкина мы обнаружили черты, которые уместно подвести под очерченные категории расколотого мировоззрения христианина. Согласно Арндт, апофеоз приватного существования заключается в лишении человека возможности «достичь чего – то более устойчивого, чем жизнь»<sup>23</sup>. В свете сказанного смысл «смерти», которой заканчивается история Мышкина, становится ближе к буквальному, чем может показаться на первый взгляд. В основе ее трагизма – если таковой имеет место – лежит намеренное упущение, которое было допущено нами на всем протяжении анализа. Парадоксальный активизм Мышкина обусловлен невыполнением основного христианского требования – утаивания доброго поступка. В пределах оппозиции «Мышкин – Христос» уместно сказать о том, что князь не вынес бремени Бога в силу своей человеческой природы. Сохранив данное противопоставление в контексте разговора о безмирности христианства, мы скажем, что пример Мышкина показывает хрупкость деятельной любви и тщетность ее претворения в политический принцип.

#### Библиография

- Арндт Х.* Интерес к политике // *Опыты понимания, 1930-1954. Становление, изгнание, тоталитаризм.* М.: Изд-во института Гайдара, 2018.
- Арндт Х.* Что такое авторитет? // *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли.* М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
- Арндт Х.* Что такое свобода? // *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли.* М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
- Арндт Х.* *Vita activa, или о деятельной жизни.* М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Аристотель.* *Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4.* М.: Мысль, 1983
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / *Собрание сочинений в семи томах. Т. 6.* М.: Рус. словари: Языки славян. культуры, 2002.
- Глухов А. А.* Философская ясность: Хайдеггер равно Гитлер // *Логос.* 2018. Т. 28. № 3.
- Достоевский Ф. М.* *Идиот.* М.: Издательство АСТ, 2021.

---

<sup>23</sup> См. *Арндт Х. Vita activa, или о деятельной жизни / М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 76.*

Политический смысл фигуры идиота (случай князя Мышкина)

*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 28. Кн. 2. Л., 1973.

*Мехтиев В.Г.* «Два конца незримой цепи...» Ипполит и князь Мышкин // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. Т. 106. № 4.

*Мюллер Л.* Образ Христа в романе Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 1998. №5.

*Тертуллиан.* Апология // Богословские труды. Сб. 25. М.: Издательство Московской Патриархии, 1984.

*Ханна Арент, Мартин Хайдеггер* Письма 1925-1975 и другие свидетельства. М: Изд-во института Гайдара, 2016.

*Heidegger M.* Phänomenologie des religiösen Lebens (Wintersemester 1920/21) // Gesamtausgabe, Frankfurt am Main, Klostermann, 1995, Bd. 60.

### **The Political Meaning of the Idiot Figure (The Case of Prince Myshkin)**

#### **Abstract**

The article analyzes Hannah Arendt's views on the apolitical nature of the Christian worldview and uses them as a conceptual framework for interpreting Dostoevsky's novel *The Idiot*. In the first part of the article, the author reveals the main points concerning the opposition between the private and the public in Arendt's theory and points out the contradictory status of Christianity in its relation to the field of the political realm. On the one hand, the philosopher uses the reference to the book of Genesis as an argument for the conditionality of action by man's original being in the multitude and considers the teaching of Jesus as a special interpretation of faith as the beginning of action and the miracle that constitutes its principle. On the other hand, Arendt draws attention to the worldlessness (apoliticality) of Christianity due to the eschatological expectation of the end of the world as well as the emphasis of certain personalities (St. Paul, Aurelius Augustine) on the solitude of the created man. In its most explicit form, this ambivalence is expressed in the concept of the active good, an act whose necessary inclusion in the world is accompanied by a demand for radical concealment. In the second part of the article, the author demonstrates this contradiction using the example of Prince Myshkin, a hero whose orientation combines key features of the Christian worldview: the negativity of the author of the action in relation to the world, and the interruption of the consequences of the action, achieved by its cancellation in an act of forgiveness.

**Key words:** Arendt, action, Christianity, world, worldlessness, Dostoevsky, Prince Myshkin, apoliticality.